

Миндаугас Карбаускис — «Газете»

«Каждый раз начинаю все с нуля»

В Театре-студии под руководством Олега Табакова заканчиваются репетиции спектакля Миндаугаса Карбаускиса «Рассказ о семи повешенных» по одноименному рассказу Леонида Андреева. Накануне премьеры с Карбаускисом — одним из самых талантливых режиссеров нового поколения — встретилась и поговорила специально для «Газеты» Ольга Романцова.

Чем вас заинтересовал рассказ Леонида Андреева?

Когда к чему-то прикасаюсь: к музыке, литературе или кино, я сразу чувствую, волнует это меня или нет.

Бывает так, что вам предлагают поставить какую-нибудь пьесу, а вы отказываетесь?

Бывает. Не хотелось бы отказывать, но работа — это кусок жизни, и прежде чем взяться за нее, я думаю, как я его проживу.

Выбирая пьесу, вы понимаете, понравится она зрителям или нет? Учитываете их вкусы?

Режиссер ставит спектакль для зрителей, а не для себя. Но при этом он может выбирать разные цели. Например, я не пытаюсь понравиться всем без исключения.

Почему вы ни разу не пытались ставить спектакли в антрепризе?

Не понимаю, почему я должен стремиться работать в антрепризе, особенно если нет никакого повода? Театр под руководством Олега Табакова мне создает все условия для работы и обеспечивает мою жизнь.

Вас не зовут на постановки в другие театры?

Мне редко предлагают работу в других театрах. Когда мы показывали в Нижнем Новгороде спектакль «Когда я умираю», ко мне подошел директор театра и попросил, чтобы я что-нибудь поставил с его артистами. Они покинули зал сразу же после первого акта. Получилась абсурдная ситуация. Мне предлагали что-нибудь поставить в Санкт-Петербурге. Там более близкий мне ритм жизни, совершенно иной, чем московский. Наверное, попробую.

Почему у вас такие грустные спектакли? В них так часто возникает тема смерти...

Мои спектакли о жизни, у меня нет спектаклей о смерти. Они бывают грустными, но в жизни всегда есть место для грусти. Иногда зрителям полезно немного погрустить.

Вам никогда не хотелось поставить комедию?

Я никогда не задумывался о том, ставить мне трагедии или комедии. Вы задаете странные вопросы: то — почему я не иду в антрепризу, то — почему не ставлю комедии...

Режиссер должен понимать, что происходит в стране, что люди читают, смотрят по телевизору? Или это абсолютно неважно?

Фото: ИТАР-ТАСС

Важно чувствовать ритм жизни и понимать менталитет людей, которые пойдут на твой спектакль. А с телевизором бороться бессмысленно.

Сколько спектаклей в год нужно ставить?

Не знаю. Можно поставить три спектакля и вообще расхотеть заниматься режиссурой. Это не формальный процесс. Я каждый раз начинаю все с нуля. Когда-то приходится приглашать, в каждой работе меняется художник... Я не избалован постоянной командой.

Как вы выбираете актеров?

По-разному. Бывает, что не только режиссер выбирает актеров, но и актер выбирает режиссера. Просто иногда чувствуешь, что этот актер может и хочет работать. Для этого есть формальные пути и неформальные, какие-то разговоры, намеки.

Когда вы начинаете готовиться к новой постановке?

Обычно я начинаю готовиться за год, а репетировать стараюсь недолго, месяца три. Чтобы работа не стала твоей кухней, домом. Встреча с артистами должна быть не очень долгой, чтобы мы не уставали друг от друга.

А если работать нерегулярно, то как зарабатывать на жизнь?

До сих пор я не поставил ни одного спектакля ради заработка. Да и вообще в Россию приехал не за заработками.

Выходит, вы ставите спектакли потому, что вам нравится заниматься театром?

Разве взрослый человек может что-то делать только потому, что это ему нравится? Это же глупость. Если чувствуешь, что твоя работа кому-нибудь нужна, если ты кому-то полезен, значит, и надо ею заниматься. А как иначе? Тебе нравится чем-то заниматься, а твоя работа никому не нужна? Мне хотелось учиться у Петра Наумовича. Для этого нужно было поступить на режиссерский факультет, и я поступил. На этом всякие «хочу — не хочу» заканчиваются. Я занимаюсь режиссурой, потому что меня приглашают ставить спектакли.

Генриетта Яновская говорит, что режиссер — это не тот человек, который ставит спектакли, а тот, кто создает на сцене целую вселенную.

У нее романтический взгляд на профессию.

А вы не романтик?

Без романтики в нашей профессии нечего делать... Когда как. Временами романтик, временами не очень.

Почему критики довольно быстро перестали называть вас учеником Петра Фоменко?

Я ученик мастерской Петра Наумовича Фоменко. Там очень много педагогов: Сюзанна Павловна Серова, Сергей Васильевич Женовач, Евгений Борисович Каменькович, Ольга Васильевна Фирсова, Петр Наумович —

наш генерал. Каждый из учеников получает информацию через того педагога, которого он выбирает себе близким и ведущим. Ученики Фоменко — это клише.

Восстанавливая «Гедду Габлер» в «Мастерской Петра Фоменко», вы работали как приглашенный режиссер?

Как заблудший. Я остался недоволен этим спектаклем. Попал в совсем другую систему координат.

Вы ставите очень традиционные спектакли. Вам не хочется поэкспериментировать, поменять их внешнюю форму?

Я не рассматриваю спектакли по внешним признакам, не думаю о том, традиционный он или нет. Меня не интересует вопрос внешнего формата, по-моему, все это очень условно. Если в спектакле нет жизни, какая разница, традиционный он или нет? Когда понадобится проекция, чтобы добиться неожиданных эмоций и чтобы что-то рассказать, прибедем к проекциям. Но пока я спокойно без них обходился. Я же не дизайнер.

Иностранец

Миндаугас Карбаускис родился в 1972 году в Литве. Окончил в 2001 году режиссерский факультет РАТИ (мастерская Петра Фоменко). Поставил в Театре под руководством Олега Табакова спектакли «Долгий рождественский обед» Торнтон Уайлдера, «Лицедей» Томаса Бернхардта, «Синхрон» Томаса Хюрлимана, «Когда я умираю» Уильяма Фолкнера; в МХТ им. Чехова — спектакли «Копенгаген» Майкла Фрейна, «Старосветские помещики» по Гоголю, «Дядя Ваня» Чехова; в «Мастерской Петра Фоменко» — спектакль «Гедда Габлер». Лауреат премий «Золотая маска» и премии им. К.С. Станиславского.

нер театра. И работаю не для формы, а для содержания.

Вам не предлагали поставить оперу?

Нет, я не очень разбираюсь в музыке, думаю, что мне не придется ставить опер. Хотя, может быть, мне нужно поставить оперу именно потому, что я не разбираюсь в музыке. Но когда мне предлагают что-то поставить, меня такой страх берет: я вообще не представляю, как это сделать. Только в конце работы я понимаю, что спектакль поставлен. Хотя полностью он никогда не бывает готов, он просто уходит к зрителям и к актерам. После премьеры еще идет какая-то работа, какое-то время еще следишь за ним, что-то делаешь. Хотя, что значит: спектакль готов? Когда он помер — тогда и готов.

Жалко, когда спектакль умирает?

Раз он уже начал разваливаться и погибать, его надо закрывать. Я уже простился с двумя спектаклями. Не надо мучить актеров, не надо жить прошлым. Лучше думать о новой работе.

Вы поступили к Фоменко в 90-х годах. За это время жизнь в России сильно изменилась?

Весь мир изменился. Это только в Советском Союзе казалось, что у нас чего-то нет. Или что у нас что-то будет, или что только у нас что-то изменилось. Меняется весь мир. Везде происходит одно и то же. И у всех одни и те же проблемы.

Почему вы работаете в России?

Потому что я здесь нужен. А что мне делать, ехать в Литву? Зачем я тогда оттуда уезжал? Всегда, перед тем как возвращаться, надо задуматься о том, почему ты уехал. Если человек хочет вернуться к своей первой жене, проще задуматься, почему от нее ушел. Конечно, в трудную минуту можно вернуться к чему угодно, но все равно лучше задуматься.

Как вы относитесь к новой драме?

Что такое новая драма? И чья это драма? Человека? Тогда она не может быть новой. По-моему.

Вы уже знаете, что будете делать через год?

Пока не знаю, может быть, что-то и запланирую. Мне хочется назло нашему сумасшедшему ритму, буквально назло времени не изматываться, сохранить ощущение свежести в работе. Строю свою жизнь так, чтобы не надо было что-то специально делать, а можно было подождать, пока все придет само.